

«Историю пишут побежденные»: мессианство Вальтера Беньямина

ПЕТАР БОЯНИЧ

Директор, Институт философии и социальной теории (IFST), Белградский университет; ведущий научный сотрудник, Лаборатория сравнительных исследований толерантности и признания (ЛСИТиП), Уральский федеральный университет (УрФУ). Адрес: 620083, Екатеринбург, пр-т Ленина, 51. E-mail: bojanic@instifdt.bg.ac.rs.

Ключевые слова: Вальтер Беньямин; насилие; мессианство; «О понятии истории»; «К критике насилия»; справедливость; революция.

В статье рассматривается соотношение понятий насилия и мессианства в ранней работе Вальтера Беньямина «К критике насилия» (1921) и поздней — «О понятии истории» (1940), взаимно деконструирующих друг друга. Работы интерпретируются путем объединения или сравнения определенных фраз, их вариаций в пределах одного или обоих текстов с целью эксплицировать логику, которая лежит в их основе. Такой подход позволяет обнаружить, что в решающие моменты аргументации беньяминовской «Критики насилия» несколько раз появляется и возвращается термин «победа». Полученный в результате образ позволяет предположить, что текст создает структуру или артикуляцию, невидимую невооруженным глазом. В попытке понять устройство «Критики насилия» мы не сможем избежать ряда инвестиций, составляющих ее интертекст, и игры внутригрупповых ссылок, из которых она состоит.

Спроецированные на проблематику мессианства (героизма, ответственности, суверенитета, иудаизма, ностальгии, пацифизма, револю-

ции, пиратства, жертвы, победы, мести и т. д.), вопросы, которые ставит автор, звучат так: есть ли связь между насилием (войной) и приходом Мессии (справедливости, демократии, порядка, мира)? Сколько необходимо насилия? Какие его масштабы для нас приемлемы? Возможно ли мессианское действие сегодня? Только ли насилие способно приблизить наступление новой эпохи? Таковы условия перехода к чему-то иному и одновременно его отрицания. В этом смысле философия как практика — это уже политическое действие, которое имеет мессианский или революционный потенциал. Он призывает нас к совместным действиям, поскольку по самой своей природе способен объединять и связывать, побуждать к действию или — с тем же результатом — оставаться пассивными. Все это актуализирует задачу построения справедливого общества. А возможность смены эпох служит достаточным поводом, чтобы продолжать читать и писать философские тексты. Становление прошлого неотделимо от ближайшего будущего.

ИГУРЫ «Мессии» и «мессианства» предполагают движение к победе. Существительное «победа» здесь особенно уместно, поскольку оно придает революционный характер беньяминовскому «Мессии» и *vice versa*. Использование слова «мессианство» предполагает, что речь идет не о «какой-то» победе (одной из многих), но о «последней» и «окончательной». Сейчас, по прошествии 70, а то и 90 лет после беньяминовского демарша и его сильных допущений, меня интересует статус того неопределенного и сложного регистра, которым наделяются победитель, победа и побежденный. Что это значит — выиграть, быть «победоносным»? Кого или что нужно победить и каким образом? А также возможно ли сегодня говорить о последней победе и вообще о чем-либо последнем?

Все эти вопросы предполагают две неопределенности, которые достались нам от Беньямина и его эпохи. (1) Дискурс «победы» должен подразумевать возможность существования большой и беспристрастной истории побед и победителей, что порождает сразу несколько вопросов: должен ли субъект или исследователь этой истории быть победителем? Правда ли, что историю пишут победители?¹ Может ли новый историк — тот, явление которого эксплицитно объявляет Беньямин, — написать новую историю «во имя» побежденных и во имя победы побежденных? Возможна ли революционная историография? И наконец, если историк «использует» историю одновременно как революцию и как победу, является ли он сам революционером? (2) Парадоксальным образом определить и конституировать потенциальный идеальный регистр для победителя и победы означало бы пойти против всеобщего и вездесущего стремления побеждать, чувствовать побе-

Перевод с английского Полины Хановой.

Статья подготовлена в рамках исследования при поддержке гранта Российского научного фонда № 17-18-01165 «Постимперская ситуация межвоенного периода в интеллектуальной рефлексии: война, ответственность, идентичность».

1. Ср.: «Историю пишет побежденный» (*Il vinto scrive la storia*) — см. последнее интервью Карла Шмитта от 9 ноября 1982 года: *Schmitt C. Un giurista davanti a se stesso* // G. Agamben (ed.). Vicenza: Neri Pozza, 2005. P. 182; Ср.: *Mehring R. Das Lachen der Besiegten. Carl Schmitt und Gelimer* // *Zeitschrift für Ideengeschichte*. 2001. Bd. 6. № 1. S. 32–45.

дителей или череду победителей, подвергать отрицанию и забвению побежденных и т. д.

Вот знаменитый первый тезис работы «О понятии истории» Беньямина:

Известна история про шахматный автомат, сконструированный таким образом, что он отвечал на ходы партнера по игре [*jeden Zug eines Schachspielers*], неизменно выигрывая партию [*den Gewinn der Partie sicherte*]. Это была кукла в турецком одеянии, с кальяном во рту, сидевшая за доской, покоившейся на просторном столе. Система зеркал со всех сторон создавала иллюзию, будто под столом ничего нет. На самом деле там сидел горбатый карлик, бывший мастером шахматной игры и двигавший руку куклы с помощью шнуров. К этой аппаратуре можно подобрать философский аналог [*Zu dieser Apparatur kann man sich ein Gegenstück in der Philosophie vorstellen*]. Выигрыш всегда обеспечен кукле, называемой «исторический материализм» [*Gewinnen soll immer die Puppe, die man «historischen Materialismus» nennt*]. Она сможет запросто справиться с любым, если возьмет к себе на службу [*in ihrem Dienst nimmt*] теологию, которая в наши дни, как известно, стала маленькой и отвратительной, да и вообще ей лучше никому на глаза не показываться [*sich ohnehin nicht darf blicken lassen*]².

Что это, как не аллегория для основания всего проекта и исходной интенции фантастического конструкта Беньямина? И еще: если мы можем начать чтение Беньямина с этой аллегории и если мы интерпретируем эти знаменитые тезисы как «тезисы о победе» или «дискурс победы», поможет ли это показать ограничения и провалы (поражение) беньяминовского проекта? В дополнение, сможет ли реконструкция чужой победы (сегодня) подвести нас ближе к победе? Все эти вопросы должны привести нас к моему последнему вопросу — собственно, вопросу Беньямина: как приблизиться (к победе, к Мессии, к революции)³?

Эти три фигуры родом из первого тезиса Беньямина. Я позволю себе предположить, что последние две — «Мессия» («мес-

2. Беньямин В. О понятии истории / Пер. с нем. С. Ромашко // Новое литературное обозрение. 2000. № 46. С. 81.

3. «Царство Мессии, или Французская Революционная Идея» (*Messianische Reich oder die französische Revolutionsidee*) (Benjamin W. Das Leben der Studenten // Gesammelte Schriften. Fr.a.M.: Suhrkamp, 1974–1991. Bd. II-1. S. 75).

сианство») и «революция», наиболее важные для его текстов, поскольку приносят финальный, эсхатологический потенциал, — отличаются от первого. Фигура «победы» относится к тому же режиму, что и остальные две, но является одновременно и более абстрактной, и более четкой и конкретной, поскольку она предполагает другого или других (побежденных). Также я позволю себе предположить, что «победа» или беньяминовские образы победы и победителя сохраняются и трансформируются в «Мессию», то есть беньяминовские «мессианства» призваны их заменить. Например, кажется, будто из одиннадцати случаев употребления слова «победа», встречающихся в беньяминовских *Thesen über den Begriff der Geschichte*, после тезиса VII (или после первой, заброшенной версии тезиса XII) слова «Мессия» и «мессианство» полностью исчезают. Это растворение победы и победителя в Мессии составляет конструктивное решение Беньямина, поскольку, похоже, одержимый интерес к концепту победы преследовал его до конца жизни (или, по крайней мере, до важнейшего письма к Хоркхаймеру, написанного в марте 1937 года). Тезис VII (или тезис XII), таким образом, не представляет собой никакого «эпистемологического» разрыва и не доказывает, что Беньямин писал свои тезисы в течение 25 лет и за это время его интересы и цели претерпели изменения; скорее, этот тот момент в тексте, когда горбатый карлик объявляет о своем присутствии, начинает само-тематизироваться. Это вовсе не означает, что Беньямин оставил свой набросок из тезиса I; напротив, он только начинает его подтверждать.

Карлика из аллегии, тайного невидимого слугу философии или исторического материализма, который обеспечивает выигрыш (а выигрыш «всегда» обеспечен), Беньямин обозначает словом «теология». И вот он, наконец, выполняет давнюю задачу Беньямина, отлично очертанную Гершомом Шоломом в дневниковой записи за 24 августа 1916 года: «Если у меня однажды появится своя философия, — сказал он мне, — это будет еврейская философия»⁴.

Еврейская философия, таким образом, структурируется прежде всего как «политическая теология»⁵. И наоборот: чтобы фи-

4. “Wenn ich einmal meine Philosophie haben werde” — sagte er zu mir — “so wird es irgendwie eine Philosophie des Judentums sein” (Scholem G. Tagebücher. Fr.a.M.: Jüdische Verlag; Suhrkamp, 1995. Bd. 1. P. 391).

5. Беньяминовское прочтение и «использование» Шмитта вдохновенны и приводят к совершенно новым выводам в истории иудейской политической традиции (например, тезис VIII). Несмотря на то что книга Бень-

лософия была еврейской (или если философия должна быть еврейской философией), согласно Бенъямину, она должна быть *de facto* озабочена историческим материализмом и теологией. Великая новация Бенъямина заключается в том, что для него еврейство — не только карлик, но и кукла или нечто находящееся между ними: руки и нити. Только комбинация исторического материализма и теологии позволяет философии достойно ответить на любой вызов и выйти победительницей. Или, лучше того, еврейская философия, подобная бенъяминовской (или чьей-либо еще) подлинной политической теологии, может только *приблизить* нас к победе, революции, Мессии⁶. Первая фигура, «победа» (или победитель: игрок или кукла, которая выигрывает), может в широком смысле принадлежать к регистру философии, или «философских метафор» в бенъяминовском распределении ролей (революция — исторический материализм; Мессия — теология). Но все же это «приближение», гарантированное бенъяминовской конструкцией (победа означает не повторяющийся выигрыш, но общую «победоносность», «состояние победы»), разрушает и делает невозможным порядок оставшихся фигур в этом маленьком революционном шахматном театре. Я не намерен задерживаться на идеальной силе бенъяминовской магической *Apparatur*, которая схлопывает его оптимистическую аллегорическую философию (или историка) — победителя. Я намерен, скорее, очертить те оговорки, которые сдерживают Бенъямина в мышлении о новой победе и ее объявлении, а она должна воспоследовать

ямина о барокко произвела на Шмитта мощное впечатление, у нас недостаточно данных, чтобы говорить о прямом влиянии. Я имею в виду совершенно обосновательное заявление Джорджо Агамбена о влиянии бенъяминовского текста о насилии на Карла Шмитта. В шмиттовском архиве в Дюссельдорфе есть несколько документов, которые подтверждают глубокий интерес Шмитта к Вальтеру Бенъямину, Гершому Шолему, Эрнсту Блоху, Герберту Маркузе, Дьёрдю Лукачу и др. Интерес Шмитта к Бенъямину начинается с письма Бенъямина к нему; Шмитт прочитал книгу Бенъямина несколько раз — она вся испещрена подчеркиваниями, поля заполнены заметками и комментариями (см.: Landesarchiv NRW. Abteilung Rheinland. Standort Dusseldorf. Nachlass Carl Schmitt. RW 265-29012). Шмитт сохранил газетную вырезку с текстом Бенъямина о Брехте от 6 июля 1930 года (RW 265-20323); вероятно, в 1972 году рядом со своим именем и именем Бенъямина Шмитт приписывает слово *eine Konjunktion* (RW 265-19561). См.: *Mehring R. Geist ist das Vermögen, Diktatur auszuüben. Carl Schmitts Marginalien zu Walter Benjamin // Benjamin-Studien II / D. Weidner (ed.). München: Fink, 2011. S. 239–256.*

6. Чтобы «еврейская философия» была подлинно еврейской, она должна приближать или вести нас к окончательной победе (Мессии).

или, возможно, уже началась (точно так же, как Мессия, возможно, уже сегодня здесь, среди нас). Та же трудность, согласно Беньямину, имманентна для двух других фигур — революции и мессиянства, и она же характеризует любую современную попытку избавления от всех форм доминирования. Само решение Беньямина сконструировать это механическое шахматное чудовище в качестве аллегории — симптом гораздо более глубокой проблемы, которая стоит на пути любых масштабных изменений. Беньямин предсказывает, что: (1) философия всегда находится в оппозиции, но никогда как исключительно философия («чистая» философия); (2) кукла (философия, исторический материализм + теология) всегда отвечает на ход, то есть право первого хода всегда отдано другому; (3) этот другой — партнер по (шахматной) игре, но больше о нем ничего не известно; по Беньямину, неясно, кто этот другой, кто побежденный; (4) аллегория используется потому, что субъект победы неизвестен — карлик, кукла, нити, рука (философ, теолог, историк, революционер, Мессия), как неизвестен и субъект (объект) поражения; (5) иллюзия Беньямина по сути — мошенничество (победитель предположительно выигрывает мошенническим способом: он не один); (6) непонятно, в чем состоят «плоды победы» и меняет ли победа расположение фигур на доске — и имеет ли вообще место победа; и наконец, (7) фантазия Беньямина не является выигранным решением, потому что философ (исторический материалист) и его карлик за все эти годы не достигли победы или революции. «Сегодня» все еще не стало «мессиянским» сегодня.

Попытке Беньямина начать (или сохранить) конституирование «победы» как таковой (окончательной, последней победы) в тезисе I предшествует длинная и запутанная революционная история, свидетелем которой он является. По моему мнению, его задача двойственна: (1) сохранить исходное положение Карла Маркса (Георгия Плеханова, Владимира Ленина, Льва Троцкого и т. д.) о необходимости окончательной победы пролетариата, которая совпадает с падением (*Unetrgang*) буржуазии (буржуазия сама роет себе могилу — *Bourgeoisie produziert vor allem ihren eigenen Totengräber*), и противопоставить его бесконечным скучным дебатам и фантазиям ревизионистов и социал-демократов о конкретных характеристиках победы (будет ли победа демократии предшествовать победе пролетариата, не обернется ли победа катастрофой и т. д.). Беньямин оберегает марксовскую инструкцию по победе, признает поздние версии позиции Маркса в попытке упорядочить уже заложенную в нем самом не-

однозначность, что победитель *de facto* побеждает самого себя, роет собственную могилу, то есть он уже побежден. И (2) поставить того же Маркса, автора «Манифеста», и революционный марксизм (в широком смысле) лицом к лицу и таким образом облагородить его с помощью нового, необычного принципа или фильтра, обнаруживаемого в его тексте «К критике насилия». Заключается он в том, что победа и победитель принадлежат к сфере мифа (мифического насилия) и победитель создает новое право, поддерживаемое так называемым насилием победителя (полицейским насилием). (Это ли не указание на критику и беньяминовские сомнения по поводу «диктатуры пролетариата»?) В нескольких фрагментах Беньямин выступает против «победоносного» насилия (*siegerliche Gewalt*). А два пассажа четко указывают границы логики победы и поражения, выигравших и проигравших, и постулируют так называемую «политику любыми средствами»⁷. Второй из них, который мы находим в последнем разделе беньяминовского текста, раскрывает значение знаменитого последнего предложения о правящем или суверенном (*waltende*) «божественном насилие», которое есть «подпись и печать» (*Insignium und Siegel*), парадигматическая характеристика нового победителя (*Sieger*):

Закон колебания заключается в том, что в своей диахронии любое правоподдерживающее насилие косвенно, посредством подавления враждебного контрнасилия [*feindlichen Gegengewalten*]

7. Первый фрагмент: «В целях побуждения людей к мирному урегулированию интересов по эту сторону любого правового порядка в конечном счете существует, помимо всех добродетельных побуждений, еще один действенный мотив, который достаточно часто дает в руки даже самой хрупкой воле чистые средства вместо насильственных. Он заключается в страхе перед общим ущербом, возникающим в результате любого насильственного столкновения, чем бы это столкновение ни закончилось. Примеры такого ущерба можно наблюдать в бесчисленных случаях, в которых наблюдается конфликт интересов между частными лицами. Другое дело, когда сталкиваются классы и нации. В этом случае высшие закономерности, которые грозят подмять под себя в равной мере и победителей, и побежденных, недоступны чувству многих и разуму почти всех людей. В рамках данной работы поиски таких высших закономерностей и соответствующих им совместных интересов, представляющих собой основополагающий мотив для политики чистых средств, завели бы нас слишком далеко» (*Он же. К критике насилия // Учение о подобии. Медиаэстетические произведения. М.: РГГУ, 2012. С. 83–84*). Этот пассаж явно демонстрирует сдержанное отношение Беньямина к катастрофам в любых формах.

само же и подрывает насилие правоустанавливающее, которое в нем представлено. (В ходе данной работы на некоторые симптомы уже указывалось.) Это продолжается до тех пор, пока либо новое насилие, либо ранее подавленное не одержит победу над дотоле правоустанавливающим насилием и тем самым не установит новое право, с момента своего установления обреченное на упадок [*die bisher rechtsetzende Gewalt siegen und damit ein neues Recht zu neuem Verfall begründen*]. На нарушении этого цикла [*Durchbrechung dieses Umlaufs*] в путях мифических правовых форм, на отмене права вместе с формами насилия, от которых оно так же зависимо, как последние от него самого, и, в конечном счете, на [отмене] государственного насилия основывается новая историческая эпоха [*ein neues geschichtliches Zeitalter*]. Если господство мифа в современном мире повсеместно уже сломлено, то упомянутое новое располагается не столь уж невообразимо далеко, чтобы слово само осуществило себя против права. Если же насилию гарантировано его существование и по ту сторону права в чистой и непосредственной форме, то тем самым доказано, что революционное насилие является возможным⁸.

«Победа», с которой Беньямин начинает свои тезисы о понятии истории, лежит вне закона, вне исторических побед и поражений на данный момент; похоже, что она не является или не должна быть «катастрофической». Беньямин даже заявляет, что нашел тип насилия (одновременно божественного, революционного и чистого), который должен характеризовать такого рода борьбу. В этом смысле, со всеми натяжками и дилеммами, которые принимает Беньямин в попытке определить такое чистое и бескровное, но разрушительное насилие, его тезисы «О понятии истории» могут быть прочитаны как продолжение его текста о насилии. Дилемма (и драма) Беньямина обнаруживается в его переписке с Максом Хоркхаймером касательно текста об Эдуарде Фуксе. Вот пассаж из его ответа Хоркхаймеру от 28 марта 1937 года:

Для меня важным вопросом всегда оставалось, как понимать эту речевую фигуру [*Sprachfigur*]: *проиграть* войну, процесс [*einen Krieg, einen Prozess verlieren*]. Война и процесс являются, собственно, не ставками [*Einsatz*], а актом принятия решения о са-

8. Там же. С. 94–95.

мом себе [*der Akt der Entscheidung über denselben*]. В итоге мне пришлось исправить [*zurechtgelegt*] это: тот, кто проигрывает войну или процесс, сам завершается [*abgeschlossen*] в этом противостоянии [*Auseinandersetzun*g] и таким образом утрачивает собственную практику [*seiner Praxis verloren*]; это не относится к партнеру [*Partner*], который выиграл. Победа приносит совершенно иные плоды, чем эффекты поражения. Это приводит нас к полной противоположности знаменитой фразы Ибсена: «Все потеряв — обретаешь: / То лишь, что умерло, вечно твое» [*Glück wird aus Verlust geboren, / Ewig ist nur, was verloren*]⁹.

Этот ответ на письмо Хоркхаймера от 16 марта 1937 года принадлежит к совершенно иному регистру, нежели беньяминовский комментарий на то же письмо, включенный в «Пассажи» (фрагмент N 8, 1), где он противопоставляет теологию и воспоминание (*Eingedenken*) трактовке истории как науки. Помимо этого, это письмо показывает свойственное Беньямину беспокойство и двойственный подход к вопросам победы и поражения. Что это значит: поражение отменяет любое действие, любую практику побежденного? Кто является побежденным в таком контексте? Что за меланхолия или сдержанность довлеет над Беньямином, когда он принимает романтическое заявление Ибсена всерьез (Беньямин подробно анализирует «счастье» в «Теолого-политическом фрагменте»)? Все эти вопросы и дилеммы переносятся в другие «тезисы» Беньямина вместе с глубокой путаницей в корне субъекта революции или нового писателя истории: как может победить тот, кто всегда проигрывал, то есть существуют ли какие-то «резервы» практики, на которые вечно проигрывающий может рассчитывать, чтобы прервать серию поражений?

Именно с этого неопределенного перехода «побежденного» в «победителя», который весьма беспокоит Беньямина, должна начаться миниатюрная реконструкция беньяминовского самосаботажа, тянущегося с тезиса II по тезис VII. Я возьмусь сразу заявить, что переработанный тезис XII (возможно, одной лишь истории написания и стирания этого тезиса будет достаточно, чтобы объяснить все затруднения Беньямина) содержит ключ не только к любому будущему конформизму и любой будущей гипокритике/ипокритству революционной идеи (левого типа), но также и к вероятному месту, где решается судьба любого будущего великого начинания.

9. Ср.: Benjamin W. Das Passagen-Werk // Gesammelte Schriften. Bd. V-2. S. 1338.

Прежде чем перейти к собственной деконструкции финала, тезису XIII, Беньямин отмечает три момента, на которых держится его теория окончательной победы.

Первый момент. В заключении тезиса VII Беньямин обращается к настойчивым утверждениям нового историка (материалиста) о том, что его/ее задача — дистанцироваться от традиции, шагать не в ногу с историей и избежать типичных опасностей, поджидающих историков. А именно — историки школы историзма, то есть историки в подлинном смысле этого слова, вживаются в историю или используют эмпатию в своих исторических исследованиях:

...задаться вопросом, в кого же собственно вживается [*empföhlt*] последователь историзма. Ответ неизбежно гласит: в победителя [*Sieger*]. А все господствующие в данный момент — наследники всех, кто когда-либо победил. Соответственно, вживание в победителя [*Die Einföhlung in den Sieger*] в любом случае идет на пользу господствующим в данный момент¹⁰.

Согласно Беньямину, чтобы исторический материалист мог победить, он ни в коем случае не должен походить на предыдущих победителей — скорее, наоборот, на прошлых побежденных. Беньямин (писатель, философ, историк, шахматист, турок, гном, карлик) пытается найти формулу или специфическую форму письма (в конце концов он неспроста предпочитает исторического материалиста всем прочим фигурам), которая откроет возможность победы (революции, Мессии), то есть чистого насилия. Его тезисы в качестве «теории», а также программы и инструкции для работы революционного историка должны открыть прежде неизвестный тайный потенциал мышления (резерв), который является условием изменения. И все же вмешательство исторического материалиста не предшествует революции (Мессии, победе), но полностью параллельно этому процессу. Беньямин постоянно разогревает свой жидкий суп из извращенного гегельянства и разбавленного марксизма (даже переоформленный и загаженный психоанализом и Жаком Лаканом, он все еще имеет силу) в надежде, что сама история (или сопротивление, направленное против той же истории) содержит ключ к победе и эмансипирующий элемент. Все «выпадает на долю» истории:

10. *Idem.* Abhandlungen // Gesammelte Schriften. Bd. I-3. S. 1241.

революция или революции уже случились, «слабое мессианство» из тезиса II, как и «потенциал» для победы, приходит из прошлого. Вот почему Беньямин выделяет историка и пишет «О понятии истории». Тезис VII представляет собой отредактированный конец крупного фрагмента, обозначенного в архивах как *Ms 447* и *Ms 1094* (и снова меня особенно интересует беньяминовская техника конструирования фрагментов и то, что он отбрасывает, хотя тезисы зачастую вырастают из гораздо более важных, но отброшенных пассажей). В начале этого фрагмента Беньямин весьма конкретен:

Образ истории, освобожденной от схемы продвижения внутри пустого и гомогенного времени [*Schema der Progression in einer leeren und homogenen Zeit*], наконец снова выведет на сцену [*ins Feld führen*] деструктивные энергии исторического материализма, которые были парализованы [*lahmgelegt*] так долго¹¹.

Эти три деструктивных момента, упомянутые Беньямином в предшествующей этому фрагменту (*Ms 446*) заметке и высвобождающие деструктивную энергию, есть три акта подлинного историка-материалиста против историцизма: деструкция универсальной истории (*Abbau der Universalgeschichte*) — еще ода небольшая поправка к Марксу; элиминация элемента эпического (того заблуждения, будто историю можно «рассказывать», — на самом деле история принадлежит не нарративу, а теории); определенно, сопротивление третьему, самому сильному бастиону историцизма, который труднее всего подчинить (*stärkste und schwerst zu berennende*), — вере в собственную победу (*die Einfühlung in den Sieger*)¹². Беньямин решил говорить в тезисе VII только о третьем моменте и полностью игнорировать контекст и разрушительный потенциал нового победителя и тем самым вернул в ситуацию слабость и бессилие. Воображаемый победитель замирает перед лицом победителей прошлого и настоящего, а также побежденных, потому что Беньямин не решается приписать ему то, что он так обожает в Марксе: ненависть, презрение, жажду битвы¹³.

11. Ibid. S. 1240.

12. Ibid. S. 1241.

13. Ms 449. Stärke des Hasses bei Marx. Kampfgeist der Arbeiterklasse. Die revolutionäre Zerstörung mit dem Erlösungsgedanken zu verschränken (Netschajev. Die Dämonen) (Ibidem).

Второй пункт. Презрение (или ненависть) постоянно оказывается у Беньямина ослаблено меняющейся терминологией объекта борьбы (шахматист, партнер, оппонент, капиталист/капитализм, фашист/фашизм) и преувеличением мощи победителя. Тезис VI воспроизводит оба эти элемента и развивает их.

Мессия ведь приходит не только как избавитель [*Erlöser*]; он приходит как победитель [*Überwinder*] антихриста. Даром разжечь в прошлом искру надежды наделен лишь историк, проникнувшийся мыслью, что враг [*Feind*], если он одолеет [*wenn er siegt*], не пощадит и мертвых. А побеждать этот враг продолжает непрерывно [*Und dieser Feind hat zu siegen nicht aufgehört*]¹⁴.

Последние два предложения этого тезиса парадигматичны. Как только он вводит фигуру гениального историка, способного обнаружить в прошлом эту «разрушительную энергию», Беньямин немедленно саботирует собственный оптимизм (тезис I) утверждением, что у врага все еще есть будущее, потому что он продолжает побеждать.

Пункт третий. Интересно, что Беньямин никогда не рассматривает финальную победу как коллективную победу всех предшественников (побежденных, победителей, мертвых) и всех присутствующих в настоящем. Мессианство и революция имплицитно подразумевают прекращение вражды и конец истории. Вместо этого варианта, который внес бы решительную поправку в Маркса и примирил бы историка, материалиста и теолога, Беньямин в порыве романтизма подрывает и приглушает «материализм» и «духовность» нового победителя. Воображаемые характеристики победы и будущего победителя кристаллизуются в тезисе XII, где с помощью мастерской комбинации аргументов Беньямин стремится окончательно объединить марксовскую ненависть, побежденных в прошлом и в будущем.

Субъект исторического познания — сам борющийся, угнетенный класс. У Маркса он выступает как последний из закабаленных, как отмститель, завершающий от имени поколений поверженных дело освобождения труда [*im Namen von Generationen Geschlagener zu Ende führt*]¹⁵.

14. Ibid. S. 695.

15. Ibid. S. 700.

Дальше Беньямин утверждает, что социал-демократы подвели Маркса и что рабочий класс лишил его главной силы (*beste Kraft*), сделав его всего лишь избавителем грядущих поколений. Проблема определенно не только в том, что Беньямин сократил первую версию (первые версии) данного тезиса. В «прошлых версиях», которые все еще весьма трудно реконструировать, Беньямин излагает свою мысль, проводя явно асимметричное сравнение между «большевистской» и «немецкой» моделями происхождения революционного истока или вдохновения победителя. Большевики, вооруженные Марксовой «ненавистью» (местью, отрицанием), идентифицируются с прошлыми поколениями побежденных. Беньямин говорит, что большевистский девиз *Kein Ruhm dem Sieger, kein Mitleid den Besiegten* («Нет славы победителю, нет жалости к побежденным») идеально выражает «солидарность с павшими братьями» (*Solidarität mit den toten Brüdern*). «Немецкая» же модель — «солидарность с потомками» (*mit den nachgeborenen*), — которую Беньямин поднимает исключительно для того, чтобы покритиковать социал-демократов, хорошо описана в письме Фридриха Гёльдерлина брату в сентябре 1793 года: *Ich liebe das Geschlecht der kommenden Jahrhunderte* («Я люблю поколения грядущих столетий»). В этом письме Гёльдерлин настойчиво говорит, что силу и витальность ему придает именно надежда на то, что наши потомки будут лучше нас и жить в лучшие времена, чем мы. Мы живем в эпоху, когда все обращено к лучшему будущему.

Если забыть про это различие источника вдохновения для борьбы и для победы (подчеркнем, что это различие уже не действительно¹⁶, — тем сложнее новое и необходимое мышление о победе), то все, что остается, — это беньяминовский диагноз субъекта революции, который когда-то давно обладал силой и владел насилием, необходимым для победы. Фактически в сухом остатке — только тоска по временам былой силы. Вздохи не достойны ни настоящего исторического материалиста, ни окончательного победителя.

16. Уже в 1964 году Маркузе выражает некоторые сомнения по поводу этого различия. См.: *Benjamin W. Zur Kritik der Gewalt und andere Aufsätze*. Fr.a.M.: Suhrkamp, 1965. S. 100–102.

Библиография

- Benjamin W. Abhandlungen // Idem. Gesammelte Schriften. Bd. I–3. Fr.a.M.: Suhrkamp, 1974–1991.
- Benjamin W. Das Leben der Studenten // Idem. Gesammelte Schriften. Bd. II–1. Fr.a.M.: Suhrkamp, 1974–1991.
- Benjamin W. Das Passagen-Werk // Idem. Gesammelte Schriften. Bd. V–2. Fr.a.M.: Suhrkamp, 1974–1991.
- Benjamin W. Zur Kritik der Gewalt und andere Aufsätze. Fr.a.M.: Suhrkamp, 1965. Landesarchiv NRW. Abteilung Rheinland. Standort Dusseldorf. Nachlass Carl Schmitt. RW 265-29012.
- Landesarchiv NRW. Abteilung Rheinland. Standort Dusseldorf. Nachlass Carl Schmitt. RW 265-20323.
- Landesarchiv NRW. Abteilung Rheinland. Standort Dusseldorf. Nachlass Carl Schmitt. RW 265-19561.
- Mehring R. Das Lachen der Besiegten. Carl Schmitt und Gelimer // Zeitschrift für Ideengeschichte. 2001. Bd. 6. № 1. S. 32–45.
- Mehring R. Geist ist das Vermögen, Diktatur auszuüben. Carl Schmitts Marginalien zu Walter Benjamin // Benjamin-Studien II / D. Weidner (Hg.). München: Fink, 2011. S. 239–256.
- Schmitt C. Un giurista davanti a se stesso / G. Agamben (ed.). Vicenza: Neri Pozza, 2005.
- Scholem G. Tagebücher. Bd. 1. Fr.a.M.: Jüdische Verlag; Suhrkamp, 1995.
- Беньямин В. К критике насилия // Он же. Учение о подобии. Медиаэстетические произведения. М.: РГГУ, 2012.
- Беньямин В. О понятии истории / Пер. с нем. С. Ромашко // Новое литературное обозрение. 2000. № 46. С. 81–90.

“THE VANQUISHED WRITES HISTORY”: WALTER BENJAMIN’S MESSIANISM

PETAR BOJANIĆ. Director of Institute for Philosophy and Social Theory (IFDT);
Leading Research Fellow of Laboratory for Comparative Studies in Toleration and
Recognition, bojanic@instifdt.bg.ac.rs.

University of Belgrade, 45 Kraljice Natalije str., Belgrade 11000, Srbija.

Ural Federal University (UrFU), 51 Lenin ave., 620083 Yekaterinburg, Russia.

Keywords: violence; messiahship; “Theses on the Philosophy of History”; “Critique of Violence”; justice; revolution.

The article discusses the relationship between the concepts of violence and messiahship in Walter Benjamin’s early work, *Critique of Violence* (1921), and in his later text, *Theses on the Philosophy of History* (1940), which oppose and deconstruct each other. The interpretation of the texts proceeds by bringing together or comparing certain phrases, their variations within a given text or between texts, with the aim of explicating the logic according to which these texts are constructed. Thus, we see that in the argumentation of Benjamin’s *Critique of Violence* the term “victory” appears several times at decisive moments. The resulting image suggests that the text forms a structure or articulation invisible to the naked eye. Trying to expose the way *Critique of Violence* is constructed, we will not be able to avoid a number of appropriations that comprise its intertext, nor the play of intrareferences of which it consists.

Translated onto the problem of messiahship (heroism, responsibility, sovereignty, Judaism, nostalgia, pacifism, revolution, piracy, sacrifice, victory, revenge, etc.), the question investigated in this paper is whether there is a link between violence (war) and the coming of the Messiah (justice, democracy, order, peace). Thus seen, how much violence is necessary? What are the figures of violence suitable for this? Is messianic acting possible? Is it necessary to act violently in order to bring about a new epoch? These are the conditions for transitioning to something “other,” whilst simultaneously rejecting it. In that sense, philosophy as *praxis* is already political action that has a messianic or revolutionary potential. It calls us to joint action due to its tendency to include and associate all, to introduce everyone into active becoming, or, what amounts to the same — to allow no one to remain passive. It demonstrates an urgency of the swiftest possible construction of the just city. Even the very possibility of the arrival of a new historical epoch gives us reason enough to continue reading and producing philosophy. The coming of the former is inseparable from the future of the latter.

DOI: 10.22394/0869-5377-2018-1-201-214

References

- Benjamin W. *Abhandlungen. Gesammelte Schriften. Bd. I-3*, Frankfurt am Main, Suhrkamp, 1974–1991.
- Benjamin W. *Das Leben der Studenten. Gesammelte Schriften. Bd. II-1*, Frankfurt am Main, Suhrkamp, 1974–1991.
- Benjamin W. *Das Passagen-Werk. Gesammelte Schriften. Bd. V-2*, Frankfurt am Main, Suhrkamp, 1974–1991.
- Benjamin W. *K kritike nasilija [Zur Kritik der Gewalt]. Uchenie o podobii. Mediaestheticheskie proizvedeniia [Doctrine of the Similar. Mediaesthetic Works]*, Moscow, RSUH, 2012.

- Benjamin W. O poniatii istorii [Über den Begriff der Geschichte]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Observer], 2000, no. 46, pp. 81–90.
- Benjamin W. *Zur Kritik der Gewalt und andere Aufsätze*, Frankfurt am Main, Suhrkamp, 1965.
- Landesarchiv NRW. Abteilung Rheinland. Standort Dusseldorf. Nachlass Carl Schmitt. RW 265-29012.
- Landesarchiv NRW. Abteilung Rheinland. Standort Dusseldorf. Nachlass Carl Schmitt. RW 265-20323.
- Landesarchiv NRW. Abteilung Rheinland. Standort Dusseldorf. Nachlass Carl Schmitt. RW 265-19561.
- Mehring R. Das Lachen der Besiegten. Carl Schmitt und Gelimer. *Zeitschrift für Ideengeschichte*, 2001, Bd. 6, no. 1, S. 32–45.
- Mehring R. Geist ist das Vermögen, Diktatur auszuüben. Carl Schmitts Marginalien zu Walter Benjamin. *Benjamin-Studien II* (Hg. D. Weidner), München, Fink, 2011, S. 239–256.
- Schmitt C. *Un giurista davanti a se stesso* (ed. G. Agamben), Vicenza, Neri Pozza, 2005.
- Scholem G. *Tagebücher. Bd. 1*, Frankfurt am Main, Jüdische Verlag, Suhrkamp, 1995.